

Трофимов А.А., Архангельская А.С.
ЭНТЕЛЕХИЯ ВЛ. СОЛОВЬЕВА.

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО МИРА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

«Вл. Соловьев чувствовал, что в его жилах билась кровь проповедника, публициста и поэта..., пророка... и вообще человека, преданного изысканным духовным интересам. Быть профессором для него было просто скучно»
Лосев А.Ф. [2]

Преодоление мирового зла, просветление и одухотворение мира – вот цель эволюции Вселенной – по Соловьеву. А человек, каждая человеческая личность – один из моментов эволюции этой Вселенной. Именно каждый из нас, наделен потенциалом безграничного совершенствования.

Но как далеки мы не столько от осмысления этой роли, наделенной абсолютом, т.е. Божеством, сколько даже от смутного ощущения этой потенции, таящейся внутри нас! Неистребимое томление по целому, по целостности и поиск абсолютной свободы, вступающей в противоречие и с ощущением и с осознанием столь многоликого зла этого мира. Прежде, чем в главном своем труде, посвященном нравственной философии – «О п р а в д а н и е д о б р а» Соловьев предложит парафраз известной формулы всего картезианства т.е. о самоочевидности мышления (Cogito ergo sum) заменить самоочевидностью переживания: «Я с т ы ж у с ь, з н а ч и т ь с у щ е с т в у ю», [3] Соловьеву довелось пройти не столь долгий, сколь мучительный путь. Мы имеем в виду его дорогу от религиозного кризиса в ранней юности – через увлечение материализмом (Бюхнера и Писарева) до зрелого убеждения, что именно «С т ы д, ж а л о с т ь, б л а г о г о в е н и е – вот три элементарных переживания, три «кита», на которых стоит нравственность. Из этих трех переживаний выводит Соловьев все богатство духовной жизни человека». [4] Но прежде, чем придти к таким выводам, их необходимо было выстрадать, прочувствовать столь глубоко и искренне, именно выстрадать, дабы обрести радости просветления. Здесь следует заметить, что свой труд «О п р а в д а н и е д о б р а», вышедший в Санкт-Петербурге в 1897 г., т.е. за три года до кончины автора, Соловьев посвятил двум своим самым дорогим и родным людям: «Посвящается моему отцу историку Сергею Михайловичу Соловьеву и деду священнику Михаилу Васильевичу Соловьеву с чувством живой признательности и вечной связи». [3]

И вот теперь обратимся к тому «сюжету для маленького рассказа», вернее – эпизоду биографии, когда, будучи 13-летним подростком он решается выбросить иконы в сад из окна своей комнаты родительского дома на Остоженке, недалеко от Арбата.

Но сначала Соловьев, будучи гимназистом, ознакомился с чередой книг вульгарных материалистов, как принято у нас называть Бюхнера с Мюлешотгом, а уж и Писарева – за компанию – остро пережил увлечение материализмом и перестал ходить в церковь. Стоит ли говорить, какое негодование было высказано ему отцом, чей гнев был необычен для человека вполне либерально настроенного, и далекого от желания резко вмешиваться в духовное становление своих сыновей.

Об отце Владимира Соловьева – знаменитом историке Сергее Михайловиче следовало бы сказать особо – не только как о прекрасном лекторе – продолжателе традиции Грановского, «неотразимую притягательную силу которого он испытал на себе». Его ученик Ключевский В.О. вспоминал о нем: «Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что с нами беседует человек, много и очень много знающий и подумавший обо всем, «свои передуманные знания сложивший в стройный порядок, в цельное мирозерцание, чувствовали, что до нас доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы... и которую должно рано или поздно исполнить над собой каждому из нас, если он хочет стать настоящим человеком». [5]

Дед Владимира – отец историка был протоиреем, преподавал закон божий в Коммерческом училище. Вот как о нем вспоминал его внук: «Дедушка – этот молитвенник и советчик – одинаково любил и отвлеченную беседу, и серьезную книгу, и стихи, и музыку, и шуточный разговор, пересыпанный громким смехом и остроумными выходками, и вкусный, обильный обед, приготовленный под верховным наблюдением бабушки, и игру с нами, детьми». [5]

Несколько слов о матери Владимира Соловьева – Поликсене Владимировне, происходящей из украинско-польского рода – она имела своим предком замечательного мыслителя XVIII в – Григория Саввича Сковороду [1,с4]. Вот какие гены достались Владимиру Сергеевичу.

В развитие упомянутого выше эпизода или «сюжета для небольшого рассказа» следует, отметить, что не без влияния материализма Вл. Соловьев поступил сначала на физико-математический факультет (Московского университета), а только в середине курса перешел на историко-филологический. Но увлекла его не история государства Российского исследованием которой занимался его отец и пока еще не литература, а именно философия.

И прежде всего немецкая – Кант, Шеллинг, Фихте и Гегель, а среди соотечественников тогда властителями умов и сердец были славянофилы, и более всего – Алексей Степанович Хомяков (1804-1860 гг), который впрочем, окончил-таки до него физико-математический факультет Московского Университета.

Несколько позже некоторые из особенностей отношений Хомякова и к православию – а прежде всего к церкви вообще отзвучат и в представлениях Вл. Соловьева. Разумеется, православие Хомяков рассматривал как одну истинную церковь, но вовсе не был ее фанатиком, считая, что «С о к р о в е н н ы е с в я з и, с о е д и н я ю щ и е ж е м н у ц е р к о в ь с остальным человечеством, нам не открыты; поэтому мы не имеем ни права, ни желания предполагать строгое осуждение всех, пребывающих вне видимой Церкви» [6]. Именно здесь следует отметить, что, будущее увлечение идеями славянофилов, которое Лосский на-

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО МИРА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

зывает «славянофильское мессианство» Соловьева перекликалось с его убеждением, что характерную черту русского народа можно выразить в словах «лучше отказаться от патриотизма, чем от совести»... [6,154]

Таким образом, речь идет о прирожденной способности русского народа к самоотречению и находит свое выражение в идее «Святой Руси». А Соловьев, несмотря на свое «славянофильское мессианство» настолько был далек от национализма, что в сегодняшних терминах православная церковь скорее могла бы упрекнуть его в экуменизме, учитывая несомненный интерес Вл. Соловьева к католичеству и его дружбу с некоторыми из священнослужителей католической церкви.

Кстати, нас давно занимал вопрос о том, почему «Рим» принято называть Священным, а Русь – Святой? Были разные ответы, и только у Вл. Соловьева его мысль о «прирожденной способности русского народа к самоотречению» дает основание убедиться в том, что подлинный ответ найден и подсказан именно им.

В свое время Л. Баткин, исследуя жизнь и творчество итальянских гуманистов (и прежде всего – Лоренцо Валла и Пико делла Мирандола) исходил из концепции органической взаимосвязи стиля жизни и стиля мышления. [7]

Странническую жизнь Вл. Соловьева (иногда ее называют просто «бездомной»), точнее всего обозначил Александр Блок в одном из своих эссе – поэтической формулой «Рыцарь-монах». [8]

Рыцарство самой идеи «софийности», рыцарство его поэзии и его отношения к людям, которое можно обозначить вслед за А. Гулыгой «Философией любви». «Монах» или монашество – отчасти в той высокой чистоте и одновременно наивности, с которой он реагировал на препитии жизни, в том числе – столь недолгих испытаний его преподаванием в университетах – как Московском, так и Петербургском. Как известно, закончилась его преподавательская деятельность в 1881 г., после прочтения им публичной лекции, в которой он призывал судей помиловать убийц Александра II-го. Как писал об этом поступке А. Лосев, он был продиктован «наивным, искренним и вполне честным его убеждением в необходимости ХРИСТИАНСКОГО ВСЕПРОЩЕНИЯ». [1, с.28]

«Стиль» покоится на глубочайших
твердых познания, на сущности
вещей, насколько ее можно познать
в видимых и осязаемых образах»

Гете

Обратимся к понятиям, вынесенным нами в заголовок этой статьи – «С т и л ь ж и з н и» и «С т и л ь м ы ш л е н и я». Критически мыслящий читатель может задаться вопросом: а почему Вы предпочитаете с т и л ь, а не о б р а з жизни и мышления? Попробуем ответить, хотя мы не можем не испытывать сомнений – насколько наш ответ, является исчерпывающим. Легче всего обратиться вначале к известной формуле Бюффона: «Стиль – это человек», тем самым, подразумевая, что и в своем стиле жизни, как и в стиле одежды и, разумеется, прически, а у Соловьева она была как у священнослужителя, человек *volens-nolens* (вольно-невольно) отражает и отображает свою внутреннюю, глубинную сущность. *А, следовательно, обнаруживает и свои комплексы, если он себя недооценивает (таких меньшинство), и самолюбование, если он себя переоценивает (таких, как считают психологи – большинство) и, наконец, свою способность к адекватной самооценке – таких столь ничтожно мало, что их почти нет..., но, к счастью для нас (и к несчастью для них) они все-таки встречаются. В аксиологии (и в теологии) таких людей относят к э н т е л е х и и [9]. т.е. в буквальном переводе с греч. – к самоосуществленности, т.е. это люди, которые служат для других нравственными, а, значит и ценностными, ориентирами. Необходимо здесь же подчеркнуть, что нам нельзя не согласиться с печальной оценкой судеб этих избранников судьбы и одновременно ее – изгоев: «Из-за этой независимости их жизненная судьба, как правило трагична». Это – путь людей, становящихся ценностными ориентирами, путь энтелехии [10].*

Даже если печаль этой оценки – светла, она не перестает убеждать нас в некоей парадоксальности трагизма, который как бы закодирован с самого начала биографии этих людей, коих мы относим к носителям энтелехии.

А среди них разумеется, особое место принадлежит Вл. Соловьеву.

Возвращаясь к сопоставлению терминов, вернее – понятий - «стиль» и «образ», следует обозначить прежде всего их разницу в т.н. объеме, т.е. не столь в качественном, сколь в количественном смысле. Просто понятие «образ жизни» – более широкое, а возможно, были емкое и, отсюда – более нейтральное. *Так образ жизни «аристократов духа» вообще, а университетских профессоров в частности, может быть почти и идентичен, будь это – Германия, например, или Россия, вернее – наше бывшее когда-то единым отечество. Мы имеем в виду какие-то о б щ и е черты (или параметры), хотя отдаем себе отчет, что «дьявол», как всегда, прячется в деталях». Итак, что общего? Если дома, то во-первых у любого человека науки (или философии) традиционно, (до последнего десятилетия в особенности) – мы обнаруживаем склонность к библиофильству, т.е. большее или меньшее обилие и разнообразие книг в домашней библиотеке. Во-в т о р ы х - заметно большую упорядоченность (системность) быта, чем у людей искусства. И, наконец, в-т р е т ь и х – склонность, вернее стремление к обладанию такой ценностью, как У е д и н е н и е, которая для творческой сосредоточенности оказывается искомым благом, а вовсе не несчастьем одиночества.*

Если же речь идет об образе жизни преподавателей всех рангов в университете, то, разумеется, здесь прежде всего обнаруживается необходимость п о д ч и н е н н о с т и, а, следовательно, явный (или тайный) д е ф и ц и т л и ч н о й с в о б о д ы. Подчинение в о-п е р в ы х – расписанию (даже самому неудачному) и всяческим заседаниям все еще так и не прозаседавших коллег – на ученых советах, защитах диссертаций, и, разумеется, обязательных кафедральных «посиделках»... Во-в т о р ы х подчиненность

учебному плану, даже если в Вас все восстает против его если не, абсурдности то, мягко говоря, несовершенству, вернее – совершенной ущербности. Но вы о б я з а н ы ему подчиняться! И, наконец, в т р е т ь и х общении со студентами предполагает наличие некоей дистанции – такая дистанция может быть коротче (но без амикошонства, т.е. ложного панибратства), а может быть и подлиннее. Так отца философа Владимира Соловьева – историка Сергея Михайловича Соловьева, как уже было показано выше, считали «гордецом» – в отличие от других профессоров – которые позволяли себе быть со студентами гораздо ближе [5].

Если в ХХ-ом веке в условиях научно-исследовательских институтов и лабораторий отношения между старшими и младшими могут устанавливаться вполне если не дружеские, то партнерские, то в академических традициях вузов вообще, а университетов в особенности феномен партнерства – большая редкость. Достаточно напомнить о замечательном феномене т.н. «капишников» по имени известного физика Петра Капицы или «ландаушиников» – по имени не менее известного физика Льва Ландау. В их лабораториях царил доброжелательная атмосфера подлинного товарищества и партнерства настоящих научных школ, «птенцы» которых прославили отечественную науку. Как правило, в вузах такое партнерство носит редкий, но особенно плодотворный характер только в процессе подготовки к студенческим научным конференциям, или дипломным (или курсовым) работам. При одном очень важном условии – если у научного руководителя («льницы») есть в наличии кроме эрудиции еще и отеческая (или материнская) жилка. Если жилка эта – еще жива и пульсирует, тогда найдется и время и желание опекать, наставлять, подсказывать, делиться собственными идеями и искренне радоваться «чужим» успехам своих подопечных.

Итак, в отличие от более широкого понятия «образ жизни» мы предпочли более тонкий, хотя и не менее содержательный срез – «стиль жизни» в его соотношении со стилем мышления, стиль – это феномен, о котором еще Гете утверждал, что он «покоится на глубочайших твердых познаниях», чаще скрытых, добавим мы, в таких тайниках подсознания, разгадывать которые легче психологу или писателю, обладающему подлинным, а не мнимым психологическим чутьем. Возможно, стиль точнее всего отражает совокупность психофизиологических черт любого индивида, чью неповторимость мы обозначаем понятием и н д и в и д у а л ь н о с т ь. Тем более, если речь идет о той мере самобытности, которую отличает индивидуальность гения.

А теперь представим себе столь самобытную, столь уникальную индивидуальность как Владимир Соловьев, соединившую в себе, казалось бы «лед» богословских размышлений и «пламень» философской публицистики, «лед» критики позитивизма и ... «пламень» поэзии... Можно ли себе представить личность мыслителя, в чьих жилах не текла, а порой кипела кровь не просто проповедника, а пророка, которую можно заковать в «латы» профессорской философии и втиснуть в каноны скучнейших нормативов – административных, учебных, коллегийных?! Он ушел из университета сам, никто его не увольнял, его вынуждены были отпустить не без сожалений. Преданность Вл.Соловьева «изысканным духовным интересам» простирается до многообразного соцветия полей литературной критики, где особое место принадлежит русскому символизму до... «буддийских настроений в поэзии», от тщательного и профессионального анализа творчества Федора Тютчева, Афанасия Фета и Якова Полонского и поэзии графа Алексея К. Толстого до заметок в защиту Достоевского от обвинений в «новом» христианстве. *Это мы теперь начинаем заново ценить профессионализм и компетентность, обнаружив бездны если не невежества, то, мягко говоря, некомпетентности на самых различных уровнях нашего бытия, вплоть до самых высоких. А ведь для блистательного литературного критика мало обладать высоким эстетическим вкусом, но и безошибочным чутьем к правде жизни, нашедшей отражение и воплощение в правде искусства.*

Это теперь, когда профессиональные эстетики (авторы учебников в том числе) хотят подчеркнуть особое свойство феномена художественного по сравнению с эстетическим (которое может быть присуще и природе) – говорят об удвоении бытия, а иногда – и об его т.н. у т р о е н и и, если речь идет о возможностях герменевтики, как метода и искусства истолкования или интерпретации. Но Соловьев и сам был поэтом, а, следовательно, искусство удвоения бытия силой воображения и фантазии ему было органически присуще. А надевая «мантию» критика, в том числе – литературного, он становился взыскательным аналитиком и публицистом со свойственной ему иронией и проникновенностью в тончайшие оттенки поэтического языка. Поистине, «Писать о Вл. Соловьеве сегодня было бы легче на английском или немецком, французском или итальянском, на другом европейском, может быть, уже и на японском языке. В той культуре ему отведено определенное место, указаны понятные пути подхода и приемлемые углы знания. Но сознание русского человека страшится воцарения подобной упорядоченности в устройении родной культуры» [11].

И вот здесь необходимо отметить все нарастающий в последнее время исследовательский интерес к феномену так называемого «биографизма» или глубинной герменевтики в работах одесской школы и ростовских коллег (в том числе С.А. Титаренко). В какой-то мере это и есть продолжение и углубление тенденции к более глубокому интровертному проникновению в процессы становления аксиологических этапов и формирования личности и стиля философствования. [11] Этот психологизм и биографизм вовсе не оказываются лишними и при наших попытках открыть те страницы «книги судеб» Владимира Соловьева, которые ранее были или скрыты или оставались в тени. И светский и религиозный миры при всей контрастности и противоречивости картин их соотношения имеют каждый свою ритуальность и в этических и особенно в эстетических аспектах.

А светский мир В. Соловьева обогащен многоцветием красок его эссе «Красота Природы» и темой вечной женственности во всей его философской лирике.

Заключение

Прежде всего следует отметить, что новизна нашего подхода заключается в том, что мы предприняли попытку с о т н о ш е н и я и поиска глубинных причинно-следственных связей не только мира религиозного и мира светского в творчестве Вл. Соловьева, но и соотношения стиля его жизни и стиля его мыш-

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО МИРА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

ления, стиля его творчества. Огромные пласты творческого наследия уникального гения отечественной философии, всей отечественной культуры все еще ждут своих вдумчивых исследователей.

В данном же тексте предпринята попытка постановки самой проблемы еще неисследованных возможностей обнаружения взаимосвязи и взаимообусловленности тех или иных особенностей биографического ландшафта Соловьёва как философа, богослова, литературного критика и поэта, а также общественного деятеля и публициста. Следует отметить, что если обратиться к многочисленным исследованиям творчества Вл. Соловьёва, то разве только давняя работа его личного друга – философа Евг. Трубецкого «Мировоззрение Вл. Соловьёва» отчасти восполняет пробелы заявленного нами соотносительного анализа. А в трудах наших современников, посвященных тем или иным сторонам творчества Вл. Соловьёва, даже в одной из самых интересных – в работе Пиамы Павловны Гайдено – «Владимир Соловьёв и философия серебряного века» М., 2001 дается анализ именно творческого наследия **вне** зависимости оно от особенностей страннического стиля жизни нашего великого соотечественника. Автор рассматривает романтический эстетизм, характерный для Соловьёва – с его культом вечной женственности (о чем у нас лишь намечено – как логический мост для продолжения исследования) подчеркивая, что он во многом определил атмосферу серебряного века, но не ставит перед собой задачу найти причины своеобразия этого романтического эстетизма.

Поистине, все еще остается открытым один из т.н. «проклятых», (как их называл Генрих Гейне) вопросов: «Одиночество – мать совершенства или крест, который под силу только гениям?»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "...для более или менее обстоятельного анализа ориентации Вл. Соловьёва среди философов и писателей как его времени, так и прошлых времен, необходимо учитывать, что им помещены в I-ом издании энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона - 31 статьи по истории философии и 24 – по отдельным философским проблемам...Этот огромный и весьма сложный материал еще никем систематически не изучался и пока только ждет своих исследователей». с.7. [2] **Лосев А.Ф.** Творческий путь Владимира Соловьёва – вступительная статья к I-ому тому соч. Вл. Соловьёва в двух томах. См. Философское наследие, т. 104, М., «Мысль», 1988, Там же с.28.

[3] **Соловьёв В.С.** Оправдание добра. Соч. в двух томах, т. I, с.124, М., 1988.

[4] **Гулыга А.В.** Философия любви – вступительная статья (после Лосева) к I-ому тому соч. Вл. Соловьёва в 2-ух томах, М., 1988, с. 37.

[3] там же, с.47.

[5] «**Михаила Васильевича Соловьёва** – по воспоминаниям современников отличал мягкий и веселый характер, он был человеком образованным и чуждым всякого ханжества См. **Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П. Погодина, кн. VII, Спб., 1895, с. 337. Цит. по **С.М. Соловьёв.** Избранные труды. Записки. I изд-во Московского университета, 1983, с.411.

[5] там же, с. 363. Следует добавить, что «**Профессор Соловьёв** был со студентами сдержан, сух, вне университета недоступен. Среди студентов он слыл талантливым лектором, но гордецом, который не сходился с ними, как это делали Грановский и Кудрявцев».

[6] См. **Н.О. Лосский**. История русской философии М., 1991, с.53.

[8] **Баткин Л.М.** Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления, изд-во «Наука», М., 1978.

[7] **А. Блок.** Рыцарь-монах- Соч. в 2-ух томах, М., 1955 том. II, с.163.

[9] **Энтелхия: 1)** у **Аристотеля** – сложное понятие соединяющее материальную, формальную, действующую и целевую причины.

2) у **Лейбница** – монады (из-за их самодавления и совершенства)

3) у **Свешникова**: а) Цель и возможность; б) Возможность и осуществленность; в) Полнота реализации – в умозрении и делании: «Настоящая полнота жизни – в ее **энтелхии** воплощается во всей сумме личностного бытия, целенаправленно, ценностно и гармонично».

См. Владислав Свешников (протоирей, настоятель храма Трех святителей на Кулишках, Москва) в книге «Прикосновение веры», М., 2005, с.752-755.

[10] **Выжлецов Г.П.** Аксиология культуры Спб, 1997, с. 83-84: «Это путь сознательного духовного творчества тех, кто и задает человечеству ценностные ориентиры веры, любви и красоты, реализует всей своей жизнью смысл и высшее предназначение человека, независимо от своей профессии и социальной роли.

... Внутренняя целостность и духовная самостоятельность выводят их в любой жизненной ситуации на подлинно личностный уровень: оценка-поступок-поведение. А это делает таких людей даже при самом кротком характере вроде князя Мышкина неудобными и неуступчивыми при любом нравственном отклонении. Поэтому общество милует, скорее разбойника Варраву, а казнит несущего ему духовный свет «Христа, и так было всегда, во все времена...»

[11] См. Послесловие **Н. Котрелева** к кн. Владимир Соловьёв. Стихотворения, эстетика, Литературная критика. М., «Книга», 1990, с. 479.

Богатая Л.Н.
АРХИТЕКТОНИКА И ДИНАМИКА КОНЦЕПТА

Статья является продолжением серии публикаций, в которых исследуется концепт. Цель данной работы – рассмотрение архитектоники концепта, особенностей динамики его становления, причин повышения интереса современной философской мысли к оперированию концептами. При проведении исследования для автора наиболее близкими на природу концепта оказались взгляды французских философов Ж.Делеза и Ф.Гваттари [5] а также российских исследователей Л.А.Микешинной [8], Л.А. Марковой [7], С.С. Нере-